

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

Я УХОЖУ
НЕ К ДРУГОМУ

Виолетта Весна

Я ухожу не к другому

<https://litres.ru/74638039>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать три года Ульяна была женой человека, которому верили зрители их семейного канала. На экране — счастливый брак. За кадром — муж, который решал, чего она хочет, от чего откажется и что скажет в следующем ролике.

В сорок три Ульяна уходит. Без другого мужчины, собственной квартиры и уверенности, что справится. Но Руслан не собирается отпускать жену из истории, на которой построил свою жизнь и работу. Даже расставание он хочет превратить в красивый совместный ролик.

Встреча с Тимофеем возвращает Ульяне желание любить. Только он не согласен прятаться, а она боится снова потерять себя в отношениях. И пока Ульяна учится жить без чужого разрешения, взрослая дочь замечает: мать тоже умеет решать за тех, кого любит.

Содержание

Глава 1. Выйти из кадра	4
Глава 2. Комната без фотографий	16
Глава 3. Не в списке	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виолетта Весна

Я ухожу не к другому

Глава 1. Выйти из кадра

О том, что я никуда не поеду, я узнала на двадцать третьей годовщине собственной свадьбы. Муж сообщил это камере, а потом повернулся ко мне, чтобы я подтвердила.

— Ульяна решила остаться. У нас слишком важное лето, правда, родная?

У него был тот голос, которым он обычно заканчивал удачную рекламную интеграцию: низкий, доверительный, будто мы сидели с ним на кухне вдвоем, а все остальные случайно подслушали что-то хорошее.

Я держала бокал за ножку. В нем был яблочный сок: съемка могла затянуться, а пить вино ради нескольких дублей я не хотела. Под моим локтем лежала салфетка, которую я незадолго до этого трижды разгладила ладонью. Слева от Руслана стояла наша свадебная фотография в новой рамке. Старую он счел слишком простой.

— В каком смысле остаться? — спросила я.

За камерой Олег перестал улыбаться. Дина, сидевшая у окна, подняла голову от телефона.

Руслан коснулся моего запястья большим пальцем. Со

стороны это выглядело лаской.

— Мы же обсуждали. Этот курс можно пройти позже. Сейчас столько всего происходит в семье. Ты сама сказала, что не представляешь, как все бросишь.

Я действительно это сказала. Две недели назад, когда мы выбирали, кто примет доставку нового света, пока я буду отсутствовать десять дней. А еще сказала, что место уже забронировано, что внесла аванс и нашла недорогую комнату рядом с учебным центром. Но эти слова он не запомнил.

— Я сказала, что нужно заранее распределить дела.

— Так мы и распределим. — Он чуть сильнее сжал мне руку. — Просто не в августе. Олег, давай с последней фразы. Тут я косноязычно выразился.

На полу светилась красная точка удлинителя. У меня почему-то зацепился за нее взгляд. Вчера я лежала на животе под тумбой и пыталась протянуть провод так, чтобы его не было видно на общем плане. Руслан тогда приехал с цветами, посмотрел на меня сверху и засмеялся: «Вот за это я тебя и люблю. Все у тебя работает».

Теперь все работало. Свет, камеры, свадьба в новой рамке, я в вишневом платье, которое сам он называл нашим семейным цветом. Не работало только мое лицо.

— Не надо с последней фразы, — сказала я.

Руслан посмотрел на Олега. Тот нажал кнопку и отвел глаза.

— Уль, мы же не в прямом эфире. Что случилось?

Этот вопрос меня почти рассмешил. Пока камера записывала, я должна была согласиться. Когда запись остановилась, получила возможность объяснить, почему не согласилась вовремя.

— Я не отказывалась от курса.

— Хорошо. Не отказалась. Я не так понял.

— Ты не спрашивал.

Он отодвинул бокал. На скатерти осталось влажное кольцо.

— Давай мы не будем выяснять это при людях.

При людях я не любила выяснять ничего. Даже когда в ресторане приносили остывшую еду, звала официанта тихо, наклонялась к нему, словно сообщала неприятную семейную тайну. Руслан знал, что при Олеге и Дине я остановлюсь.

Обычно я останавливалась.

В этот раз я поставила бокал на стол и потянулась к вороту платья. Застежка петлички зацепилась за подкладку. Я дернула слишком сильно, почувствовала, как треснула нитка, и наконец положила черный микрофон рядом с салфеткой.

— Мне нужно выйти.

— Куда?

— Из кадра.

Это прозвучало гораздо торжественнее, чем я хотела. На самом деле я собиралась всего лишь в ванную. Мне нужно было несколько минут, чтобы перестать смотреть на мужа так, будто я впервые увидела его.

Дина встала.

— Мам, ты нормально себя чувствуешь?

— Да.

— У тебя руки трясутся.

Я посмотрела на свои пальцы. Она была права.

— Сейчас пройдет.

Я прошла мимо окна, задела бедром край стула и оставила дверь ванной незапертой. Включила холодную воду. Платье неприятно тянуло у горла, хотя вырез был свободным.

В зеркале отразилась знакомая женщина. Ничего страшного с ней не случилось. Ее не ударили, не выставили из дома, не привели любовницу в супружескую спальню. Ее муж просто сообщил, что она приняла решение, которого не принимала. Такое происходило не впервые. Я могла вернуться и закончить съемку. Потом, когда Олег уйдет, объяснить все еще раз.

Я даже знала, что скажет Руслан.

«Почему ты молчала, если для тебя это так важно?»

Потому что я не молчала. Но, видимо, говорила недостаточно громко, чтобы у моих слов появился вес.

За дверью слышались голоса.

— Пап, зачем ты это сказал?

— Я думал, мы договорились.

— Ты думал или она сказала?

Небольшая пауза. Потом уже другой тон:

— Дин, не начинай. Ты прекрасно знаешь, что у нас сей-

час за период.

Я закрыла кран. Шум воды оборвался так резко, что стало слышно, как в гостиной переставляют посуду.

Наш период начался двадцать три года назад и никак не мог закончиться. Сначала Руслан запускал студию свадебного видео. Потом снимал городские мероприятия. Потом мы вместе придумали семейный канал, потому что одна короткая запись, где маленькая Дина красила отцу ногти, набрала больше просмотров, чем все его серьезные работы.

Тогда это было весело. Мы не знали, что за обедом можно неправильно сесть, а поездку к морю приходится откладывать до тех пор, пока магазин чемоданов не согласует текст.

Я умела все, что оставалось между словом «идея» и готовым роликом. Договориться с хозяином квартиры. Найти замену сорвавшемуся курьеру. Успокоить обиженную гостью. Посчитать, сколько мы действительно заработали после расходов. Придумать, куда поставить Динины учебники, чтобы в кадре оставалось ощущение живого дома, но не было беспорядка.

В описании канала меня называли хранительницей очага.

Я знала пароль от рекламного кабинета, номера трех прокатчиков техники и размер рубашек каждого приглашенного эксперта. Но когда хотела записаться на короткую программу для организаторов мероприятий, Руслан спросил, зачем мне бумажка. Ведь у меня и так все получалось.

— Уль? — Он постучал костяшками пальцев. — Можно?

Я открыла дверь.

В узком коридоре он оказался слишком близко. Пахло его туалетной водой и нагретой пылью от софитов. Он посмотрел на выдернутую нитку у моего воротника.

— Порвала?

— Немного.

— Ну зачем так резко? Можно же спокойно.

— Я спокойно сказала, что поеду. Трижды.

— И я трижды сказал, что не против. Только не понимаю, почему именно сейчас. У нас новый контракт, у Дины... — Он замолчал. — В общем, все друг на друге.

— А когда не будет?

— Не начинай с этих обобщений.

Я стояла босиком. Туфли остались под столом, и это почему-то делало разговор еще нелепее. Взрослая женщина пыталась доказать право уехать на десять дней, а сама не знала, куда дела свои туфли.

— Я хочу сегодня побыть одна, — сказала я.

Руслан потер лицо ладонью.

— Хорошо. Давай отпустим Олега, закажем что-нибудь, поговорим без всего этого. Я купил тебе подарок, кстати. Просто не успели.

— Я не хочу подарок.

— Уже и подарок не нужен.

В его голосе была настоящая обида. Он не притворялся. Если бы я попросила отвезти меня ночью в больницу, он со-

брался бы за три минуты. Если бы сломался мой телефон, принес бы новый. Когда умерла мама, он взял на себя похороны, отвечал на звонки и неделю спал у края кровати, чтобы не мешать мне вставать. Я знала хорошего Руслана не хуже, чем этого, стоявшего сейчас напротив.

Из-за этого уйти из разговора было труднее.

— Спасибо за подарок, — сказала я. — Но сейчас мне нужно другое.

— Что?

Я открыла рот и не сразу нашла ответ. Не потому, что не знала. Потому что услышать собственные слова было страшно.

— Чтобы ты хотя бы один раз не объяснял мне, чего я на самом деле хочу.

Он отступил на полшага.

— Я никогда тебе ничего не запрещал.

Это было правдой. Слово «запрещаю» у нас не употребляли. У нас говорили: «Ты уверена?», «А кто тогда будет?», «Неужели тебе не жалко?», «Ладно, поступай как знаешь». После последней фразы мне обычно уже ничего не хотелось.

Я прошла в спальню. Достала с верхней полки дорожную сумку. Небольшую, серую, без всякого отношения к рекламодателям. Положила в нее белье, футболку, зарядку, косметичку.

Руслан смотрел из дверей.

— Ты серьезно?

— Да.

— Ульяна, из-за курса?

Я расстегнула косметичку, проверила, на месте ли таблетки от головной боли, застегнула обратно. Мне хотелось занять руки чем угодно.

— Не из-за курса.

— Тогда из-за чего?

Ответ занял бы больше времени, чем у меня было сил. Все, что за годы казалось слишком мелким для разговора, теперь стояло между нами сразу. Не один страшный поступок, который можно назвать. Множество маленьких случаев, в каждом из которых я соглашалась быть удобнее, чем мне хотелось.

— Сегодня я не смогу это объяснить.

— Отлично. Просто собрала сумку и ушла. Очень взрослый способ.

Я подняла глаза. Мы оба знали, что я останусь, если сейчас начну доказывать свою взрослость.

— Возможно, — сказала я.

Он не ожидал такого ответа.

В гостиной Олег уже собирал штатив. На столе стоял торт с тонкими свечами, которые мы не успели зажечь. Дина подошла ко мне и быстро, почти сердито обняла.

— Ты куда?

— В гостиницу. На ночь.

— Зачем гостиница? Поехали ко мне.

Она жила в комнате, которую снимала с подругой. Места там было ровно столько, чтобы одному человеку сидеть на стуле, пока второй переодевался. Кроме того, мне не хотелось превращать дочь в сторону спора уже в первый вечер.

— Я сама. Напишу, когда устроюсь.

— Только не пропадай, ладно?

— Не пропаду.

В прихожей я достала из обувницы белые кеды и надела их, не развязывая шнурки. С платьем они выглядели странно, но искать туфли под праздничным столом я не стала.

Руслан остался в дверях спальни. Когда я взялась за ручку входной двери, он сказал:

— Позвони, когда остынешь. Я заеду.

Я кивнула, потому что еще не умела не кивать автоматически.

В лифте не было зеркала. На стене кто-то приклеил объявление о потерянном коте. Я прочитала его дважды, прежде чем поняла, что еду не на первый, а на минус первый этаж: по привычке нажала кнопку парковки. Машина была у Руслана.

Пришлось подниматься обратно.

Этот лишний этаж оказался полезным. Я успела перестать плакать до того, как открылись двери.

На улице пахло горячим асфальтом. Возле подъезда мальчик пытался вытащить из решетки ливневки пластиковый самолетик. Его отец стоял рядом с палкой и серьезно обсуждал, с какой стороны удобнее поддеть крыло. Обычный суб-

ботный вечер продолжался, не зная, что я впервые за двадцать три года ушла из дома с сумкой и без согласованного времени возвращения.

Я села на лавку, нашла в телефоне гостиницу возле вокзала и забронировала самый дешевый номер с отдельной ванной. Четыре тысячи двести рублей. Почти недельная продуктовая закупка на двоих. Я подумала, что за эти деньги могла бы купить два хороших билета в театр, а потом рассердилась на себя за эту бухгалтерию. Самой себе я всегда казалась лишней статьей расходов.

На ресепшене девушка попросила паспорт. Я искала его слишком долго, хотя знала, в каком отделении он лежит.

— Вам помочь? — спросила она.

— Нет. Сейчас.

Она ничего не спросила о моем платье и потекшей туши. Просто выдала карту от номера и показала, где лифт. За это я была ей почти благодарна.

В номере стояли узкая кровать, стол и кресло с продавленным сиденьем. За окном гудели автобусы. Я включила чайник, написала Дине: «Устроилась. Все нормально». Слова «все нормально» выглядели неправдой, но других коротких слов у меня не нашлось.

Руслан прислал фотографию коробки. В ней лежали серьги с небольшими зелеными камнями.

«Хотел порадовать. Жаль, что так вышло».

Я положила телефон экраном вниз.

Потом все-таки перевернула.

«Красивые. Спасибо».

Пальцы сами дописали: «Прости». Я стерла это слово и отправила остальное.

До полуночи я успела принять душ, выпить две чашки плохого чая и составить в голове четыре варианта возвращения. В каждом Руслан сначала молчал, потом обнимал меня, а я объясняла, что просто устала. Это было бы легко. На следующий день мы пересняли бы годовщину. Я уехала бы на курс, потому что после такой сцены он уже не смог бы возражать. И все вроде бы разрешилось.

Только мне больше не хотелось добиваться десяти дней свободы как исключения за хорошее поведение.

Я открыла заметки и написала: «Чего я хочу, если никого не надо убеждать?»

Долго смотрела на вопрос. Потом добавила три пункта.

Работать за деньги, которые называются моей зарплатой.

Жить не внутри расписания съемок.

Не возвращаться завтра только потому, что ему неприятно.

Третий пункт я перечитала несколько раз.

Утром телефон разбудил меня раньше будильника. Сообщение прислала Инесса, с которой мы два года назад проводили благотворительный вечер в конференц-центре.

«Ульян, поправляйся! Руслан сказал, ты вчера свалилась. В такую жару неудивительно».

Я села на кровати и открыла канал.

Ролик длился сорок семь секунд. Руслан стоял у нашего стола. Торт еще был целым, свечи горели. Он улыбался чуть устало и говорил, что праздник пришлось перенести, потому что Ульяна приболела. Но самое главное в семье — не красивые даты, а умение быть рядом. И он благодарен жене за то, что она всегда выбирает их общую жизнь.

В конце появилась наша фотография. Та самая, в новой рамке.

Я просмотрела ролик до конца. Потом еще раз, уже без звука.

В этой версии вечера для меня нашлось место. Просто меня саму из нее убрали.

Я открыла переписку с Инессой и написала:

«Я не болею. Ты еще ищешь администратора?»»

Глава 2. Комната без фотографий

Инесса ответила звонком.

— Ты где?

Я сидела на гостиничной кровати с мокрыми волосами и пыталась открыть маленькую упаковку сливок. Фольга порвалась посередине, капля попала на простыню.

— В гостинице.

Она помолчала.

— Я спрашиваю не для пересказа Руслану. Мне нужно понять, сможешь ли ты сегодня приехать.

— Смогу.

— Тогда к двенадцати. Задний вход, с торца. И Ульянов... Работу я действительно предлагаю. Это не повод вытащить тебя поговорить.

— Спасибо.

— Не за что пока. У нас гардеробщица с администратором третий день не могут поделить шкаф. Возможно, через час захочешь обратно в семью.

Я впервые со вчерашнего вечера улыбнулась.

До расчетного часа оставалось два часа. Я позавтракала вареным яйцом и суховатой булочкой, спустилась с сумкой вниз и попросила оставить ее у стойки до вечера. Девушка прикрепила к ручке картонный номерок, словно это была самая обычная сумка самой обычной постоялицы.

По дороге я посчитала деньги. На отдельном счете лежало сто сорок восемь тысяч. Несколько небольших оплат за мероприятия, возврат старого долга от подруги, подаренные отцом деньги, которые я не потратила на свой день рождения. Аванс за курс уже был внесен. Осталось заплатить пятьдесят тысяч и прожить там десять дней.

Я открыла объявления о комнатах. У большинства были яркие фотографии и условия, от которых хотелось закрыть приложение: только до тридцати пяти, без готовки, проживание с хозяином, тишина после восьми, залог за два месяца. В одном объявлении комнату с окном в стену соседнего здания называли уютным пространством для перезагрузки.

Я поймала себя на том, что ищу вариант подешевле не потому, что он подходил, а потому, что временное жилье не должно было выглядеть слишком убедительно. Двадцать три года общей жизни не укладывались в кнопку «снять на месяц».

Конференц-центр занимал два этажа бывшего проектного института. С фасада у него были стеклянные двери и металлические буквы «Площадка». С торца — облупившееся крыльцо, пандус для грузовых тележек и ведро с окурками. Я вошла именно там и сразу услышала спор.

— Это не мой кабель, — сказала женщина в сером жилете.

— А в моем шкафу он зачем?

— Чтобы ты спросила.

Инесса появилась из-за стеклянной перегородки, взяла у

одной женщины моток провода и без слова поставила на пол возле своего стола.

— Проблема решена. Ульяна, идем.

Она почти не изменилась за два года: короткие светлые волосы, очки на цепочке, несколько цветных ручек в нагрудном кармане. Только раньше я видела ее при гостях, собранной и спокойной. Теперь на ее столе лежали раскрытый йогурт, накладная и запасная туфля.

— Каблук отломился, — объяснила она, заметив мой взгляд. — Не символизирует ничего. Садись.

Я села.

— Что ты умеешь? Только не говори «все понемногу».

Я рассказала про съемки, подрядчиков, сметы, аренду залов, ведущих и гостей. Пока говорила, постепенно перестала теребить ремень сумки. По отдельности мои обязанности казались мелочами. Собранные в одном разговоре, они заняли почти пятнадцать минут.

Инесса слушала, иногда задавая короткие вопросы.

— Сколько человек на самом большом мероприятии?

— Сто восемьдесят. Но там часть работы делало агентство.

— Бюджет считала сама?

— Да. Финальный платеж подписывал Руслан.

— Конфликт с подрядчиком решала?

— Кондитер не привез торт за сорок минут до начала. У него сломался холодильник в машине. Нашла два одинако-

вых в соседнем ресторане, декор сняли и сделали заново. Потом разбирались с возвратом.

— Возврат получили?

— Частично. Украшения были изготовлены под нас, с этим не спорили.

Она кивнула.

— Резюме есть?

— Нет.

— Сделай сегодня. Не для красоты. Мне нужны даты и обязанности. Зарплата пятьдесят пять до удержаний, график сменный, вечера бывают длинные. Переработки согласуем отдельно, обещать золотые горы не буду. Сначала испытательный срок. На курсе твоём десять дней? Тогда если берёшься, сразу впишем отсутствие в график. Не будем потом делать вид, что ты меня обманула.

Мне пришлось сглотнуть, прежде чем ответить.

— Десять. Я могу заранее подготовить смены.

— Вот это потом. Сейчас скажи, работа тебе нужна или ты хочешь напугать мужа?

Вопрос был неприятным и совершенно справедливым.

— Работа мне нужна.

— Отдельная от его канала?

— Да.

— Тогда во вторник приходи к девяти. Завтра пришлешь документы кадровику. А сегодня я покажу хозяйство.

В «Площадке» было три зала. Большой с тяжелыми пере-

городками, маленький с окнами на двор и узкая переговорная, которую сотрудники называли пеналом. На втором этаже находились две комнаты для гостей, кухня персонала и кладовка, где удлинители хранились в прозрачных ящиках. Я почти с нежностью посмотрела на аккуратно подписанные крышки.

Инесса заметила.

— Не радуйся. Подписи правильные, содержимое иногда нет.

Она показала журнал бронирований, доступ к рабочему календарю и аварийные контакты. Я записывала в телефон. Потом достала из сумки бумажный блокнот: в телефоне начали всплывать сообщения Руслана.

«Ты выпалась?»

«Давай я заберу».

«У нас завтра созвон с рекламой. Ты помнишь?»

Я выключила уведомления.

К четырем часам у меня был черновик резюме, адрес отдела кадров и странное чувство, будто я весь день несла тяжелую коробку, а теперь поставила ее на пол. Коробка никуда не исчезла. Просто руки освободились.

Возле гостиницы я встретилась с Диной. Она пришла с пакетом из нашей булочной и сразу сказала, что папа не знает.

— Не надо так, — попросила я. — Тебе не нужно скрывать от него, что ты меня видишь.

— Я не скрываю. Просто не сказала.

Мы сели на лавку в сквере. Она выложила из пакета два пирожка, салфетки и бутылку воды. Все это было так похоже на мои привычные сборы, что у меня защищало глаза.

— Мам, ты из-за папиного ролика еще больше разозлилась?

— Мне не понравилось, что он придумал за меня объяснение.

— Он правда подумал, что ты не захочешь, чтобы люди знали.

— Тогда можно было ничего не говорить.

Дина отломил кусочек теста.

— Люди все равно спрашивают. У вас же канал.

Я хотела сказать: «Вот именно». Но увидела, как она сидит, подняв плечи, и сдержалась. Для нее это был не абстрактный семейный канал. Там были ее детство, дни рождения, первая собака, школьный выпускной. Уйти из него одним движением она не могла, даже если бы захотела.

— Я не прошу тебя выбирать сторону, — сказала я.

— А выглядит так, будто придется.

— Я постараюсь, чтобы не пришлось.

— Постарайся, пожалуйста. — Она посмотрела на меня.

— У меня сейчас тоже много всего.

— Документы?

— И документы.

До этого она рассказывала о магистратуре осторожно, будто боялась спугнуть. Хотела уехать в Нижний Новгород, за-

ниматься коммуникациями в культурных проектах. В июле надо было подать документы, в августе пройти испытания и дожидаться списков. Бюджетных мест было немного. Общежитие обещали только после зачисления, на несколько дней экзаменов требовалось отдельное жилье.

— Я помню про комнату, — сказала я. — Мы найдем.

— Мам, я сама могу посмотреть.

— Конечно. Я только помогу.

Она отвела глаза. Я заметила тонкую полоску на безымянном пальце: как будто там недавно было кольцо, которое сняли. Но спрашивать не стала. У меня и без того было слишком много новых обстоятельств для одного дня.

— Ты домой сегодня? — спросила Дина.

Я покачала головой.

— Хочу снять комнату на месяц.

— На месяц?

Ее лицо изменилось. До этого все еще можно было назвать ссорой, ночевкой в гостинице, плохим настроением. Месяц звучал как решение.

— Мне нужно разобраться.

— В чем? Вы же столько лет вместе.

Я посмотрела на ее руки, сжимавшие бумажный пакет.

— Именно поэтому мне и нужно время.

— А папа знает?

— Сегодня скажу.

Она встала раньше, чем доела пирожок.

— У меня встреча. Напиши, где будешь жить.

— Дин...

— Я не обиделась. Просто мне это не нравится, и я пока не умею делать вид, что рада за тебя.

— Не надо делать вид.

Она кивнула, но обнять меня не подошла. Я смотрела ей вслед и впервые почувствовала настоящую цену своего выхода из кадра. До этого я думала о Руслане, о себе, о комнате и деньгах. Теперь оказалось, что у моего решения есть еще чьи-то последствия, которые я не могу заранее сделать безболезненными.

Вечером я посмотрела две комнаты. В первой пахло кошачьим кормом, хозяйка с порога сообщила, что мужчинам заходить нельзя даже днем. Во второй за стеной играла музыка, а хозяин уверял, что сосед обычно тихий, просто сегодня воскресенье. Я вежливо отказалась и спустилась на улицу.

Третье объявление было без красивых слов. «Комната 14 метров. С хозяйкой. Кухня общая. На месяц и дольше. Без курения». На фотографии стояли кровать, шкаф и письменный стол. У стола была зеленая лампа, которую я запомнила почему-то сильнее всего.

Римма Павловна открыла дверь в домашних брюках и футболке с надписью на английском. Я не успела ее прочесть: хозяйка сразу повернулась и пошла по коридору.

— Разувайтесь, если удобно. Если нет, потом протру. Вы

по телефону сказали, вам срочно. Это не значит, что надо соглашаться сразу.

Комната оказалась именно такой, как на фотографии. Окно смотрело в тихий двор. На подоконнике стоял пустой цветочный горшок.

— Цветок умер? — зачем-то спросила я.

— Переехал к дочери. Ему там светлее.

Римма Павловна открыла шкаф, показала свободные полки.

— Двадцать в месяц, десять залог. За коммунальные отдельно не беру, если вы не собираетесь выращивать здесь огурцы под лампами. Гостей предупреждать, на ночь без договоренности никого. Я иногда уезжаю на дачу. Ключи дам два комплекта, один можете оставить у человека, которому доверяете.

Она сказала это так просто, что я едва не заплакала снова. Человек, которому я доверяла двадцать три года, сейчас не должен был иметь ключ от моей комнаты.

— Договор можно посмотреть? — спросила я.

— Конечно. Паспорт мой тоже.

Мы сели на кухне. Римма Павловна принесла очки и аккуратно сложенные бумаги. Я прочитала все дважды. Она не торопила.

— Муж? — спросила наконец, когда я заполняла свои данные.

Я подняла голову.

— Что?

— Уходите от мужа?

— Да. Наверное.

— Мне подробности не нужны. Только если придет устраивать разговор под дверью, я полицию вызову. Возраст уже не тот, чтобы слушать чужие семейные аргументы ночью.

— Не придет, — сказала я и поняла, что не знаю этого наверняка. — Я ему объясню.

— Ну и хорошо.

Она не сказала, что все мужчины одинаковые. Не предложила чай с душевным разговором. Спросила, нужен ли мне удлинитель, и показала, какую полку в холодильнике можно занять. Я впервые за двое суток почувствовала облегчение, не смешанное с чужими ожиданиями.

Из гостиницы я забрала сумку уже в девятом часу. Заплатила за такси до нового адреса, поднялась на третий этаж и поставила вещи у кровати. Римма Павловна смотрела телевизор у себя. За стеной тихо разговаривал диктор. Никто не просил меня уменьшить яркость лампы, потому что она дает блик в объективе.

Я позвонила Руслану сама.

Он ответил сразу.

— Ну что, заезжать?

— Я сняла комнату.

— Какую комнату?

— На месяц. Завтра приеду за документами и частью ве-

щей.

Он молчал так долго, что я проверила, не оборвался ли звонок.

— Ульяна, у тебя кто-то есть?

Я ожидала этого вопроса и все равно почувствовала усталость, почти физическую.

— Нет.

— Тогда что ты делаешь?

Я села на край кровати. Матрас скрипнул.

— Ухожу.

— От меня?

— Да.

Сказать это вслух оказалось тяжелее, чем собрать сумку.

— И ты не считаешь нужным поговорить?

— Считаю. Но не сегодня ночью и не на съемке. Завтра приеду, можем договориться о времени.

— Дине ты что сказала?

— Что сняла комнату. Я не прошу ее быть посредником. Ты тоже, пожалуйста, не проси.

Он коротко выдохнул.

— Ты сейчас разговариваешь со мной как с посторонним.

— Я пытаюсь сказать так, чтобы ты услышал.

— Я услышал. Ты решила разрушить семью из-за того, что я не так выразился.

Я закрыла глаза. Теперь можно было начать длинное объяснение. Перечислить двадцать три года маленьких уступок.

В ответ он перечислил бы двадцать три года заботы. Оба списка были бы настоящими. И ни один не отвечал на вопрос, почему я больше не хочу жить как прежде.

— Нет, — сказала я. — Но сегодня я не буду спорить.

После звонка я сидела неподвижно, пока не погас экран. Потом встала, открыла сумку и разложила вещи в шкафу. На верхней полке оказалась футболка, в которой я обычно спала дома. Я взяла ее в руки, прижала к лицу и наконец позволила себе плакать без попытки быстро привести себя в порядок.

Плакала я не потому, что передумала.

На столе лежал договор аренды. Рядом с ним я положила блокнот и выписала адрес «Площадки», время первой смены, список документов для оформления. Потом открыла резюме.

В строке «Опыт работы» сначала написала: «Помогала мужу».

Посмотрела на эти два слова и стерла их.

Вместо них набрала: «Организация съемок и мероприятий. Работа с подрядчиками. Планирование бюджета и расписания».

Это все еще была моя жизнь. Просто впервые я описала свою работу как свою.

Глава 3. Не в списке

В первый рабочий день я пришла на двадцать минут раньше и все равно почувствовала себя опоздавшей. Возле служебного входа стояла машина доставки, водитель спорил с охранником, а на крыльце женщина в строгом костюме пыталась дозвониться кому-то по двум телефонам сразу.

— Вы от кейтеринга? — спросила она меня.

— Я администратор.

— Тогда почему у вас зал закрыт?

Я посмотрела на часы. Без двадцати девять. В календаре, который мне показала Инесса, монтаж начинался в девять.

— Сейчас уточню.

— Я уже двадцать минут уточняю.

У меня еще не было ни ключей, ни пропуска, ни права открыть хотя бы кладовку. Но слово «администратор» я произнесла сама, и оно немедленно повесило на меня чужое недовольство.

Охранник пропустил меня внутрь после звонка Инессе. Та встретила у лестницы с двумя бейджами в руках.

— Не бери на себя все с порога. Сегодня ты рядом со мной, не вместо меня. Заказчик перенес разгрузку вчера в одиннадцать вечера и считает, что мы должны были догадаться. Пойдем знакомиться с реальностью.

За два часа я узнала, что табличка «Не входить» вызывает

у гостей непреодолимое желание проверить, что за ней; что слово «легкий фуршет» может означать сорок килограммов посуды; что в рабочем чате есть три человека по имени Саша и никто не считает нужным подписываться фамилией.

При этом многое было знакомо. Направить поток людей к гардеробу. Убедить организатора не ставить стол регистрации поперек выхода. Найти скотч до того, как его начнут искать все. Я двигалась быстрее, чем ожидала от себя. В какой-то момент Инесса дала мне список приезжающих специалистов и сказала:

— По этой части можешь сама. Только проверяй подтверждения в письмах, а не только календарь. Его вчера меняли.

Я кивнула.

Потом мне позвонил Руслан.

За вещами я приезжала накануне. Мы поговорили не больше пятнадцати минут, потому что он все время возвращался к одной фразе: «Нельзя же так сразу». Я забрала документы, ноутбук, две пары обуви, повседневную одежду и коробку с мамиными письмами. На коробку он посмотрел особенно внимательно. Видимо, она убедила его больше, чем чемодан.

Теперь на экране высветилось его имя. Я отклонила вызов. Пришло сообщение: «Нужен файл по рекламе. Где финальная версия?»

Я ответила: «В общей папке. Дата в названии».

«Там три финальных».

Я закрыла глаза на секунду, открыла облачную папку и отправила ссылку. На это ушло меньше минуты. Потом еще три, потому что он не видел комментариев заказчика. Потом я записала короткое голосовое, объясняя, почему нельзя использовать старую формулировку.

Когда вернулась к списку специалистов, очередь у стойки уже выросла. Я проверила фамилии по календарю, выдала два пропуска, вызвала техника и заметила мужчину, который стоял чуть в стороне с кожаной папкой под мышкой.

На нем были светлая рубашка с закатанными рукавами и темные брюки. Не костюм, но и не повседневная одежда человека, забежавшего по дороге за кофе. У висков серебрилась седина. Он смотрел не в телефон, а на схему этажа, наклеенную на стене.

— Вы к кому? — спросила я.

— Тимофей Белов. Переводчик.

Я нашла его фамилию.

— У вас вторая половина дня. С двух часов.

Он перевел взгляд на меня.

— У меня с десяти.

— Здесь написано с двух.

Я повернула монитор так, чтобы он увидел.

— А в подтверждении написано с десяти. — Он достал телефон. — Вот письмо от вчерашнего вечера.

Я посмотрела на экран. Действительно, десять. Внизу стояла подпись нашего координатора, а в копии — общий адрес

центра.

— Тогда сейчас уточню, — сказала я и почувствовала, как неприятно нагреваются уши.

— Уточните. До приезда группы двадцать минут, я хотел проверить оборудование.

В его голосе не было раздражения. От этого стало еще хуже. Я успела представить, как расскажу Инессе, что уже на первом дне решила не читать то, что она велела прочесть.

В письмах обнаружилась вся цепочка. Встречи двух иностранных участников перенесли на утро, и теперь оба переводчика были нужны с десяти. В старом календаре напротив обоих осталось прежнее время: два часа дня. Павлу я утром отправила сообщение именно по старому расписанию. Он уже выехал, но, получив мое ошибочное уточнение о второй половине дня, развернулся.

— Хорошая новость, — сказала Инесса, когда я принесла ей эту информацию. — Один переводчик хотя бы здесь. Плохая: их должно быть два, потому что две параллельные группы. Звони второму, узнавай время. И не пытайся делать вид, что письмо пропало. Оно не пропало.

— Я знаю.

Второго переводчика звали Павел. Он ответил из автобуса. До следующей остановки было пять минут, потом можно было взять такси. Я открыла приложение и отправила машину к нужной точке. Цена оказалась выше, чем я надеялась, но спорить с приложением было некогда.

Тимофей тем временем проверял маленькую переговорную вместе с техником. Когда я вошла, он стоял возле стола и говорил несколько фраз в микрофон. Иностранные слова звучали непривычно мягко, но не театрально.

— Второй специалист будет через двадцать пять минут,
— сказала я. — Я организовала такси.

— Хорошо. Первую группу можно задержать на кофе, если координатор согласует. Только не обе: тогда задержка станет общей.

— Уже согласовали.

Он кивнул и вернулся к проверке.

Никакого «ничего страшного» он не сказал. И не предложил выполнить за двоих невозможную работу. Почему-то именно это помогло мне перестать паниковать.

Через полчаса оба зала работали. Водитель такси привез Павла к правильному входу, гости выпили кофе, организатор вычеркнула из программы пятнадцать минут свободного общения. Я записала в рабочий журнал, что произошло, и отдала Инессе чек.

— Из моей зарплаты, — сказала я.

Она сняла очки.

— Не распоряжайся моей бухгалтерией. Сначала разберемся, что относится к нашим расходам, а что нет. Но оплатить сейчас ты решила сама, это я вижу. Ошибка твоя, ответственность тоже. Только не превращай каждую ошибку в личное разорение. У нас так никто долго не работает.

Я кивнула, хотя внутри все еще хотелось каким-нибудь немедленным наказанием выкупить право остаться.

К обеду ноги гудели. Я принесла из дома контейнер с гречкой, но оставила его в холодильнике Риммы Павловны. В кафе на первом этаже взяла суп и кусок хлеба, села у окна и только тогда увидела четыре пропущенных от Руслана.

«Мне пришлось самому искать номер Маши».

«Ты могла хотя бы предупредить, что весь день недоступна».

Я написала: «Я на работе. До семи отвечать не смогу».

Он ответил почти сразу:

«А наша работа уже не работа?»

Я долго смотрела на сообщение. Потом выключила звук и убрала телефон в сумку.

— Здесь свободно?

Тимофей стоял рядом с подносом. На нем были чашка кофе, тарелка салата и два банана.

— Да.

Он сел напротив, положил папку на соседний стул.

— Бананы на двоих? — спросила я, сама удивившись вопросу.

— На случай, если после обеда нас не выпустят. Вы сегодня впервые?

— Так заметно?

— По тому, как вы проверяете телефон каждые двадцать секунд. Потом научитесь класть его экраном вниз.

— Я думала, вы про ошибку с расписанием.

— Ошибки делают не только в первый день.

Я усмехнулась.

— Это должно меня утешить?

— Нет. Просто ответ на вопрос.

Мы несколько секунд ели молча. Суп был горячим, слишком соленым, но впервые за день мне захотелось есть по-настоящему.

— Вы давно переводите? — спросила я.

— Двадцать с небольшим лет. С перерывами на уверенность, что пора найти нормальную работу.

— И?

— Каждый раз выяснялось, что нормальная тоже кому-то не нравится.

Я рассмеялась. Он посмотрел на меня внимательнее, будто до этого видел только человека за стойкой.

— А вы раньше чем занимались?

Я почувствовала привычное желание сказать: «Помогала мужу». Успела остановиться.

— Организовывала съемки. Мероприятия. Но в маленькой команде. Тут все устроено иначе.

— Значит, половину уже умеете. Остальную половину будете спрашивать.

— Я плохо умею спрашивать.

— Тогда вам сегодня повезло с тренировкой.

Он сказал это без насмешки, и я позволила себе не защи-

щаться.

После обеда возникла новая проблема: в большом зале не хватало трех стульев, потому что организатор не включила в список сопровождающих. Я нашла запасные, но один оказался с расшатанной ножкой. Отнесла его обратно, взяла другой, попросила техника отметить неисправный. Мелочь. Но я поймала себя на неожиданном удовольствии от того, что проблема имела ясные границы: вот стул, вот ножка, вот решение. Никто не спрашивал, люблю ли я его достаточно, чтобы он перестал шататься.

К семи вечера гости разошлись. Я помогла собрать забытые вещи, проверила розетки, передала смену охране. В списке найденного оказались платок, зарядка и один детский носок, происхождение которого никто не мог объяснить.

Инесса посмотрела на часы.

— Иди. Завтра к десяти. И напиши себе, что изменения расписания смотрят в письмах.

— Уже написала.

— Тогда еще напиши: чужие срочные дела во время смены не всегда мои.

Я подняла голову.

— Я видела, как ты отвечала мужу. Я не спрашиваю, что у вас. Но здесь не получится одновременно вести два хозяйства.

— Поняла.

Она не стала смягчать сказанное. И я была ей за это благо-

дарна не сразу, а только на улице, когда перестала сердиться.

Возле остановки стоял Тимофей. Он держал в руке бумажный стакан и изучал табло.

— Ваш автобус тоже исчез? — спросил он.

— Мой трамвай. Он хотя бы рельсами ограничен, далеко не уйдет.

— Не переоценивайте рельсы. Вчера я сорок минут ждал то, что числилось в двух минутах от меня.

Мы встали рядом под навесом. Дождь начинался мелкими редкими каплями. Я вспомнила, что зонт лежал дома в шкафу у входа. Подумала об этом доме уже без мгновенного желания вернуться за чем-нибудь еще.

Тимофей протянул мне второй банан.

— Запас не пригодился.

— Вы предлагаете мне служебную взятку?

— За то, чтобы в следующий раз меня не отправили домой до начала работы.

Я взяла банан и засмеялась. Он улыбнулся в ответ, и лицо у него стало совсем другим: не строгим, а немного усталым и очень живым.

Подъехал мой трамвай.

— До встречи, — сказала я.

— До встречи, Ульяна.

Он запомнил мое имя с бейджа. Это было обычное человеческое умение. Но весь путь до дома я чувствовала странное тепло от того, что для кого-то сегодня была просто Улья-

ной, которая ошиблась в расписании, исправила ошибку и смешно пошутила про трамвай.

Римма Павловна оставила на кухне записку: «Ваша гречка в холодильнике. Не выбрасывала». Я разогрела ее, поела стоя у окна, потом села за стол и открыла рабочую папку семейного канала.

Там было шесть незаконченных задач. Две я могла передать Олегу, одну — рекламному менеджеру, остальные требовали участия Руслана. Я составила короткий список с адресами, сроками и ссылками. Не стала оформлять красиво. Не добавила извинений.

Отправила мужу.

«Это все, что у меня в работе. До пятницы отвечу на вопросы по передаче. Новые задачи не беру».

Ответ пришел через десять минут.

«То есть ты уходишь и из дела?»

Я напечатала: «Да».

Потом посмотрела на это короткое слово. Оно не объясняло, как мне страшно остаться без привычного заработка, даже если этот заработок никогда не называли моим. Не рассказывало, что я помню наши первые съемки и как мы с Русланом вдвоем таскали оборудование на пятый этаж без лифта. Не отменяло ничего хорошего.

Я отправила его без дополнений.

На следующий день выяснилось, что одно дело действительно не может существовать сразу в двух местах. В одина-

дцать мне позвонила постоянная заказчица нашего канала, владелица магазина детской мебели. Мы давно договаривались, что я помогу организовать съемку новой коллекции. Я считала, что после моего ухода Руслан перенесет договоренность. Он считал, что я обязана приехать, потому что обещала лично.

— Ульяна, у нас дети с родителями уже здесь, — сказала женщина. — Свет поставили, фотограф готов. Где вы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.